

A
KOREAN GRAMMAR

by
G. J. RAMSTEDT

Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LXXXII
Mémoires de la Société Finno-ougrienne LXXXII

HELSINKI

1939

Г. Рамстедт

**ГРАММАТИКА
КОРЕЙСКОГО
ЯЗЫКА**

Перевод с английского и примечания

А. А. Холодовича

Под редакцией и с предисловием

проф. Б. К. ПАШКОВА

1951
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

«Грамматика корейского языка» составлена известным финским языковедом, специалистом по монгольским и тюркским языкам Г. Рамstedтом. Среди других зарубежных работ по корейскому языку она выгодно выделяется стремлением автора раскрыть специфику грамматического строя корейского языка и установить реальные связи последнего с маньчжуро-тунгусской группой языков. Книга предназначена для исследователей языков народов Дальнего Востока и специалистов по общему языкознанию.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Корейский язык — родной и государственный язык Корейской народно-демократической республики. На корейском языке говорит около 30 миллионов человек. Корейский язык относится к числу мало изученных языков мира. Положение его среди других языков мира до последнего времени считалось невыясненным.

В нашей отечественной науке изучение корейского языка было представлено работами М. Пуцилло (Опыт русско-корейского словаря, СПб, 1874), К. Кузьмина (Элементарное пособие к изучению корейского языка, Хабаровск, 1900) и «Опытном краткого русско-корейского словаря;», Казань, 1904.

Планомерное изучение корейского языка в России началось с 1901 г., когда во Владивостоке в Восточном институте была организована специальная кафедра корейского языка, возглавляемая на протяжении 20 лет проф. Г. В. Подставиним. Им был разработан ряд учебных руководств по корейскому языку для студентов. Ввиду малочисленности изучающих корейский язык (студентов насчитывались единицы) эти руководства не печатались, а распространялись по большей части в рукописях. Особого внимания заслуживают разработанные и опубликованные Г. В. Подставиним в „Известиях Восточного института“¹ программы по корейскому языку для студентов Восточного института. В них отражены взгляды проф. Подставина на происхождение, развитие и структуру корейского языка, получившие в дальнейшем подтверждение, в исследованиях других специалистов. После Подставина корейским языком занимался

¹ См. «Известия Восточного института», т. II, приложение: „Обзор преподавания наук в Восточном институте на 1900/01 и 1901/02 академические годы“, стр. 255—258; Владивосток, 1901, а также т. IV, 1904; т. XVII, 2-е приложение, 1916.

проф. Е. Д. Поливанов, опубликовавший в „Известиях Академии наук СССР“ (1927) работу „К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков“, в которой он указал на более близкие связи корейского языка с маньчжурскими, монгольскими и тюрко-татарскими языками, чем с какими-либо иными. До XX в. корейским языком занимались главным образом католические миссионеры. С начала XX в. миссионеров на этом участке сменяют японцы: японский империализм начинает вытеснять из Кореи европейских империалистов. Вследствие этого и деятельность миссионеров, как передового аванпоста европейского капитала в Корее, сокращается. Японская корееведческая литература служит империалистическим интересам и стремится оправдать захватническую политику Японии, доказывая „родство“ корейцев и японцев в этнографическом, языковом и культурном отношении. Работы миссионеров и японских „ученых“ по корейскому языку не представляют научной ценности. Использование их допустимо с большими оговорками и ограничениями. Наибольшего внимания из зарубежных работ вообще заслуживают лишь работы А. Экардта (практическая грамматика корейского языка, Гейдельберг, 1923) и Г. Рамстедта (научная грамматика корейского языка, Хельсинки, 1939); первая из них написана на немецком, вторая — на английском языке.

По вопросу о положении корейского языка среди других языков мира в зарубежной литературе не имеется единого установленного взгляда.

По мнению одних (Хюльбер), корейский язык вместе с дравидскими языками Южной Индии составляет одну семью — южно-туранскую, и предки корейцев, родственные дравидским племенам, будто бы были выходцами из Южной Индии¹. Доказательства, приводимые в пользу этого положения, оказались недостаточно убедительными, и оно не получило всеобщего признания.

Профессор бывшего Восточного института во Владивостоке П. П. Шмидт в своих исследованиях, касающихся тун-

¹ Литературу по этому вопросу см. в работе Н. В. Кюнера, Очерк Кореи, Владивосток, 1912. стр. 227—229.

гусо-маньчжурских языков, напротив, высказывал предположение о связях корейского языка, наряду с маньчжурским и монгольским языками, с северными палеоазиатскими (гилякским), находя в тех и других языках общие фонетические явления и учитывая их близкие исторические связи в прошлом¹.

«Ученые» империалистической Японии (Канадзава, Ямадзи и др.), как уже указывалось, старались доказать „родство“ корейцев с японцами. Доказательства, приводимые в пользу этого „открытия“, лишены какой бы то ни было научной достоверности. Интересны были отклики в японской прессе на это „открытие“. „Japan w. Chronicle“ в номере от 6 июля 1909 г. писала о том, что родство корейского языка с японским, „установленное“ Канадзава, наводит на мысль о легкости, с которой можно будет японизировать корейцев, и что это „открытие“ доставило японским государственным деятелям прочную основу для установления принципов постоянной политики в Корею. Когда в следующем 1910 г. японские империалисты захватили Корею, они усиленно взялись за насильственное внедрение японского языка и начали изгонять родной корейский язык из учреждений и из школы. Такая политика проводилась вплоть до 1945 г., когда Советская Армия разгромила японских захватчиков и освободила Корею. Насильственная ассимиляция корейского языка Японцами привела к тому, что корейский словарь был чрезмерно засорен японизмами, но она не уничтожила национальную самобытность корейского языка, на что так надеялись японские колонизаторы.

Марксистское учение о развитии языка и о скрещивании языков, изложенное товарищем Сталиным в труде „Марксизм и вопросы языкознания“, получает здесь блестящее подтверждение. „История отмечает,—учит И. В. Сталин,—большую устойчивость и колоссальную сопротивляемость языка насильственной ассимиляции“². В течение 35-летней упорной насильственной ассимиляции японским оккупан-

¹ См. его „Chinesische Elemente im Mandschu“ в „Asia Major“, т. VII, вып. 4, Лейпциг, 1932.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 26.

там не удалось превратить корейский язык в японский. Интересно отметить, что Экардт, изучавший корейский язык на месте в Сеуле в разгар японской оккупации (1923 г.) и хорошо знавший о „связях“ корейского языка с японским, все же утверждает, что корейский язык даже ближе к индоевропейским (к санскриту), чем к японскому языку, и попутно указывает, что доказательства японских ученых в пользу корейско-японского родства лишены научной достоверности.

Остается еще сказать о связях корейского языка с китайским. На протяжении ряда веков (более полуторы тысячи лет; по другим данным — около трех тысяч лет) корейцы пользуются китайской иероглифической письменностью и находятся под воздействием китайской культуры. Это дало повод некоторым исследователям (Эдкинс) считать корейский язык особой разновидностью китайского языка. Однако такой вывод глубоко ошибочен. В самом деле, если в словарном составе корейского языка насчитывается до 75% слов китайского происхождения (по данным одного корейско-японского словаря, содержащего 58717 слов, более 40000 из них приходится на долю заимствований из китайского языка), то это еще не означает, что корейский язык в какой-то степени утратил свою самобытность.

Здесь следует указать на два обстоятельства: во-первых, значительная часть основного словарного фонда корейского языка является исконно корейской, во-вторых, что более важно, корейский язык сохранил свой грамматический строй, в распоряжении которого находятся как исконно корейские, так и все заимствованные слова.

Этот вывод соответствует марксистско-ленинскому учению о языке и его развитии. И. В. Сталин учит, что „...словарный состав, взятый сам по себе, не составляет еще языка, — он скорее всего является строительным материалом для языка. Подобно тому, как строительные материалы в строительном деле не составляют здания, хотя без них и невозможно построить здание, так же и словарный состав языка не составляет самого языка, хотя без него и немислим никакой язык. Но словарный состав языка получает величайшее значе-

ние, когда он поступает в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слов,, правила соединения слов в предложения и, таким образом, придает языку стройный, осмысленный характер".

Русские ученые, изучавшие языки Дальнего Востока: (Бичурин, Кафаров и др.), еще в первой половине прошлого века указывали на близость корейского языка маньчжурским и монгольским языкам, исходя не только из данных этих языков, но и из их исторических связей. В дальнейшем Подставин и Шмидт привлекли дополнительные материалы для доказательства этой близости. Проф. Поливанов в 1927 г. указывал, что сравнительная грамматика алтайских языков (т. е. языков тюркских, монгольских и маньчжуро-тунгусских), заменившая собою лишённые достоверности урало-алтайские гипотезы Боллера, Грюнцеля, Винклера и др., в настоящее время, после работ Рамstedта, Б. Я. Владимирцова и др., уже вышла из стадии подготовительного „нащупывания почвы" и стала подлинной наукой и что корейский язык действительно является членом алтайской семьи языков -. Включение корейского языка наравне с маньчжурскими, монгольскими и тюрко-татарскими в алтайскую семью языков оправдывается не только фонетическими, морфологическими и лексическими совпадениями, но и историческими судьбами носителей этих языков.

Следует сказать, что ученые, на которых мы ссылались, кроме проф. Подставина, специально корейским языком не занимались, а интересовались им только в связи с другими языками и с другими вопросами.

Предлагаемая вниманию советского читателя грамматика известного монголиста проф. Рамstedта написана в плане лучших традиций русской востоковедной школы. Автор — крупный специалист в области алтайских языков. Своим исследованием он еще более подтверждает близость корейского языка, сохранившего свою национальную самобытность, не с южными и отнюдь не с японским язы-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

² Е. Д. Поливанов «К вопросу о родственных отношениях корейского и „алтайских" языков („Известия Академии наук СССР", 1927).

ками, а только с северными и северо-западными тунгусо-маньчжурскими, монгольскими и тюрко-татарскими языками. Он прямо говорит, что „корейский язык является ветвью алтайской семьи языков“.

В изложении грамматического строя корейского языка Рамстедт исходит главным образом из принципа изменяемости (или неизменяемости) слова и делит все корейские слова на три группы, а именно:

1. Имена с их склонением и иного рода изменениями, свойственными имени.

2. Глаголы с их спряжением и иного рода изменениями, свойственными глаголу.

3. Частицы и вообще все неизменяемые слова.

В категорию имени он включает существительное, местоимение, числительные и именные послелого. В категорию глагола — глаголы и прилагательные (качественные глаголы), а также глагольные послелого. К категории неизменяемых слов относятся все безударные частицы, междометия и такие самостоятельные формы имен и глаголов, которые не воспринимаются более как элементы той парадигмы, в составе которой они первоначально возникли (ср. п. 76).

Эта классификация Рамстедта не является новой и оригинальной. Впервые к корейскому языку она была применена проф. Г. В. Подставиным. В своих программах по корейскому языку, отмеченных выше, он упоминает о „распределении лексического состава корейского языка по трем категориям, или частям речи (имена, глаголы и вспомогательные частицы — служебные слова), и выполнении последними соответствующих функций в предложении“.

В раздел „Имена“ он включает: „Имена существительные, местоимения и числительные и их подразделение на отдельные разряды и виды по значению и производству. Собственные имена, существительные в роли местоимений, местоимения в значении предметных и относительных имен, местоимения - личные, возвратные, вопросительно-неопределенные, определительные и указательные, местоимения в роли членов — определенного и неопределенного, числительные — количественные и

порядковые, числительные частицы и специальные образования терминов счисления".

К разделу „Глаголы" относятся; „Глаголы в собственном смысле (переходные и непереходные) и глаголы качественные (имена прилагательные). Общее понятие о спряжении корейского глагола: основы спряжения и последовательное наращение признаков глагольных форм и окончаний. Обзорение важнейших форм спряжения. Деление форм спряжения на окончательные и неокончательные. Безотносительная форма (неопределенное наклонение). Формы повелительного наклонения. Изъявительное наклонение: формы описательные и повествовательные, формы утвердительного и отрицательного значения; изменение форм изъявительного наклонения по степеням учтвости. Особая категория форм сомнения и обобщения.

Формы определительные (причастные) и обстоятельственные (деепричастные); образование важнейших деепричастных форм (слитной, разделительных, соединительных, условных, уступительных, причинных, сопоставительных, временных и пр.).

Отрицательная основа и спряжение глагола в отрицательных формах. Образование глаголов намерения и желанья, побудительных и потенциальных. Глаголы учтвости. Глаголы в роли междометий.

Сложные глагольные формы и специальные глагольные обороты. Отглагольные имена существительные. Отглагольные наречия. Вспомогательные глаголы. Недостаточные глаголы".

В раздел „Частицы" Г. В. Подставин относит: „Учение о послелогох, устанавливающие соотношение между членами предложения (падежные частицы). Частицы, сохранившие самостоятельное значение; наречные и восклицательные частицы. Частицы множественного числа. Частицы отрицания. Представки для распознавания рода"¹.

Проф. Подставин в классификации корейских слов в свою очередь исходит из классификации, принятой для

¹ См. „Обзорение преподавания наук в Восточном институте» Шб, Корейский язык”, „Известия Восточного института", т. XVII, 2-е приложение, Владивосток, 1916.

монгольской лексики известным монголистом А. Бобровниковым в его „Грамматике монгольско-калмыцкого языка" (Казань, 1849). Интересно сопоставить классификацию Бобровникова с классификацией слов в китайском языке. Китайские языковеды издавна делили свои слова на три категории: ши-цзы (имена — „мертвые" слова), хо-цзы (глаголы — „живые" слова) и сюй-цзы (частицы—„пустые" слова). Следует, однако, отметить, что прилагательные у Бобровникова включены в раздел имени, а у Подставина, а за ним и у Рамстедта— в раздел глагола на правах так называемого качественного глагола.

Необходимо также указать, что замечание Подставина в упомянутой программе о „преобладающем значении глагольных корней в корейском языке" реализуется в грамматике Рамстедта как положение преимущественной роли сказуемого в построении предложения по сравнению с другими членами.

Эта особенность характерна и для монгольских языков. Так, проф. Г. Д. Санжеев в „Синтаксисе монгольских языков" пишет: „В монгольском предложении мы должны различать следующие его члены: сказуемое, как минимум или фундамент предложения, подлежащее и дополнение. Далее идут определения и служебные члены: связка и показатели членов предложения. Последние (определения и служебные члены) играют по отношению к первым подчиненную роль. Дополнения, а также и подлежащее, с точки зрения исторического развития монгольского синтаксиса, должны быть рассматриваемы входящими в состав сказуемого"¹.

Таким образом, и Подставин и Рамстедт, будучи оба специалистами по монгольским языкам, сближают грамматический строй корейского языка с грамматическим строем монгольского, выделяя как характерную особен-

¹ Г. С а н ж е е в, Синтаксис монгольских языков, М., 1934, стр. 8. В своей „Грамматике калмыцкого языка" (М., 1940) проф. Санжеев говорит: „В состав предложения в калмыцком языке входят сказуемое, подлежащее, дополнение и определение. Из этих четырех членов предложения фундаментом или минимумом последнего (предложения) является сказуемое, тогда как и подлежащее и дополнение суть не что иное, как то, что образует надстройку сказуемого" (стр. 86).

ность корейского языка наличие глагольных форм спряжения у имени прилагательного и включая поэтому последнее в разряд глагола. Но это не значит, что они отождествляют прилагательное с глаголом; они подчеркивают и различие между ними, называя глагол — глаголом в собственном смысле, а прилагательное — качественным глаголом, указывая при этом и на некоторое различие их форм в атрибутивной (определительной) позиции, а также и на другие различия.

Проф. Подставин в ряде случаев употребляет и одинаковую терминологию для общих грамматических категорий. Особенно это заметно в наименовании глагольных форм. Все это указывает на некоторого рода общность грамматической структуры обоих языков, причем эта общность несколько не меньше той, которая наблюдается между корейским и японским языками и на которую ссылаются сторонники псевдонаучной теории „родства“ этих языков.

В грамматике Рамстедта обращает на себя внимание некоторое несоответствие в объеме между морфологией и синтаксисом. Почти все внимание Рамстедт уделяет морфологии, синтаксису у него отводится только несколько страниц. Это очевидное несоответствие может навести на мысль, что Рамстедт, выдвигая на первый план „морфологию и преуменьшая значение синтаксиса, неправильно истолковывает грамматический строй корейского языка. Скорее всего это объясняется неразработанностью корейского синтаксиса.

Но в этом случае необходимо иметь в виду следующее. Рамстедт в изложении грамматики корейского языка придерживается той системы, которая у нас была принята со второй половины прошлого века и которая характеризовалась тем, что морфологию, называвшуюся тогда этимологией, излагали с обязательной иллюстрацией каждой формы ее синтаксическими функциями. Поэтому на долю синтаксиса оставалась только систематизация изложенных в этимологии синтаксических категорий, данных там в связи с формами словоизменения, и изложение тех синтаксических категорий, которые непосредственно не связаны с формами изменения

слов (порядок слов, типы предложения, прямая и косвенная речь, пунктуация). В таком плане излагались грамматики монгольского, маньчжурского и некоторых тюрко-татарских языков. Поэтому знаменитый русский синолог В. П. Васильев и говорил: „Коль скоро пройдена этимология, то пройден и синтаксис“¹.

Рамстедт заострил внимание на морфологии и в частности на категории глагола, будучи вынужденным к этому еще особенностями грамматического строя корейского языка, богатого разнообразными формами словоизменения и словообразования и представляющего особые трудности при изучении корейского языка.

По единодушному признанию специалистов, корейский язык в силу чрезвычайно развитой морфологии, отягченный к тому же китайской иероглифической письменностью² является труднейшим языком в мире. Такое представление усиливается еще и тем, что корейский язык недостаточно разработан.

При оценке грамматики Рамстедта необходимо учитывать еще дату ее издания—1939 год, когда сохранялась японская оккупация Кореи и корейское языкознание находилось в состоянии упадка. Тем не менее Рамстедт сумел составить такую грамматику корейского языка, которая превосходит все предшествующие зарубежные работы этого рода и которая дает наиболее правильную характеристику грамматического строя корейского языка. Правда, в ряде случаев Рамстедт не учитывает новых явлений в современном корейском языке и допускает устаревшие трактовки отдельных явлений (например, системы склонения, обозначения произношения некоторых глагольных форм).

После освобождения корейского народа Советской Армией в 1945 г. и образования Корейской народной-демократической республики корейский язык и корейское языкознание, не связанные путами японских колонизаторов, получили широкие возможности для своего развития.

¹ См. его обстоятельную статью „Об отношении китайского языка к среднеазиатским“, «Журнал министерства народного просвещения», 1872.

В Северной Корее созданы специальные комиссии по разработке грамматического строя и словарного состава корейского языка, которые частично уже опубликовали результаты своей работы.

Однако разбойничье нападение американских империалистов на Корейскую народно-демократическую республику прервало мирный созидательный труд корейского народа и заставило его с оружием в руках выступить на защиту своей свободы и независимости. Никто не сомневается в том, что после разгрома интервентов корейские ученые-языковеды усилят свои исследования в области языкознания.

В предлагаемом русском переводе грамматики Рамтедта принята в качестве опыта русская транскрипция корейских слов, разработанная А. Холодовичем. Кроме этой транскрипции, имеются транскрипции Пуцилло, Подставина и Ким Тхя-хена. Транскрипция последнего помещена в его кандидатской диссертации „Корейская национальная письменность“. Ввиду недостаточной разработанности корейской фонетики, орфографии, а также многих вопросов грамматики, все эти транскрипции еще не могут считаться окончательными и стабильными; они нуждаются в дальнейшем усовершенствовании.

Проф. *Б. Пашков.*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В европейских энциклопедиях корейский язык определяется как язык неизвестного происхождения. Вот почему во время моего пребывания в Японии я проявил некоторый интерес к этому языку. Первыми словами, которые, казалось, дали мне некоторый ключ к решению проблемы, были местоимения *и*, *йө* (этот) и *чө*, *т'ө* (тот), тождество которых с соответствующими словами монгольского и тунгусского языков очевидно. Побуждаемый этим открытием, за которым вскоре последовали другие интересные наблюдения, я принялся серьезно за изучение корейского языка и в 1924—1926 гг. использовал корейского студента Ю Чинголя в качестве учителя. Я собирал материалы по разговорному и письменному языкам, не прибегая к поездке в Корею, поскольку в самом Токио я имел достаточно возможностей заниматься с корейцами, тысячи которых проживают в этом городе. С помощью студента Ю я пробовал читать корейские книги и в свободное от служебных дел время изучил все доступные мне европейские грамматики этого языка. Большую помощь мне оказали книги: Ундервуда „An Introduction to Korean Spoken Language“, Иокогама, 1914, Джемса Гейла „Korean Grammatical Forms“, Сеул, 1916, и Андреаса Экардта „Koreanische Konversations-Grammatik“, Гейдельберг, 1923. Некоторые ценные сведения о корейских диалектах я нашел в книге Джона Росса „Korean Speech with Grammar and Vocabulary“, Иокогама, 1882, и в маленьком, но хорошем словаре, изданном на русском языке в Казани в 1904 г.: „Опыт краткого русско-корейского словаря“. Последняя работа имеет дело с языком, на котором говорят в окрестностях Владивостока (диалект, названный на последующих страницах кратко, но не вполне правильно, севернокорейским). Позже, когда я уже выработал себе собственную кон-

цепцию структуры этого мало изученного языка, особенно его глагольных форм, я познакомился с работами японских ученых Маэма и профессора Огура Симпэй. Едва ли стоит упоминать о небольших грамматических компиляциях, написанных корейцами, которые ничего ценного или нового мне не дали. Наиболее серьезными работами по корейскому языку и его диалектам остаются работы профессора Огура.

Обнаружив, что мой способ понимания структуры корейского языка, скрытой за китайской иероглифической письменностью, во многих отношениях отличается от понимания его европейскими и японскими учеными, я осмелился привести в порядок мои замечания о спряжении и склонении этого языка и составить его грамматику, несмотря на то, что мои знания языка не так широки и не так глубоки, как этого бы хотелось. Все же я убежден, что те читатели, которые имеют некоторые познания по монгольскому, маньчжурскому или турецкому, легко найдут в этой грамматике столь много интересных соответствий, что появление ее будет доброжелательно принято ими. Они согласятся со мною, что корейский язык является ветвью алтайской семьи языков. Я уже предложил обсуждению читателей этот взгляд в ряде небольших статей: „Remarks on the Korean Language“ (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, LVIII), „The nominal postpositions in Korean“ (там же, LXVII) и „Koreanisch *ke's* „Ding, Stück“ (Journal de la Soc. F.-Ougr. LXVIII, 4). Я надеюсь, что проблема происхождения корейского языка находится на правильном пути к своему окончательному решению и что эта грамматика будет способствовать лучшему пониманию характера и строения корейского языка.

Хельсинки, 1939.

Г. Рамstedт.

ВВЕДЕНИЕ

Как пишут корейцы

Так как корейцы в течение тысячелетий находились под культурным и политическим влиянием Китая, то естественно, что они, подобно японцам и аннамитам, должны были заимствовать китайскую манеру письма. Они записывают слова своего языка китайскими иероглифами, и эти иероглифы имеют, как правило, два произношения: китайское наименование (чтение) иероглифа и соответствующее ему по значению слово корейского происхождения. В корейском языке отсутствуют слова для множества отвлеченных понятий, и уже с древнейших времен многие слова и выражения этого рода были заимствованы из китайского. Много из того, что было в корейском языке раньше, оказалось утерянным с течением времени. Китайское влияние во многих отношениях преобразило и перестроило корейский язык; заглядывая в корейский словарь, находим, что около 90% лексического материала оказывается, собственно говоря, китайским. Но тем не менее грамматическая конструкция и наиболее ходовые слова повседневной речи имеют явное происхождение, удостоверяя таким образом, что корейский и китайский являются языками различного типа.

Уже в эпоху Силла (57 г. до н. э.—929 г. н. э.) корейцы в целях облегчения чтения, видимо, почувствовали необходимость в написании окончаний, и особенно глагольных, при китайских иероглифах. Эти окончания писались китайскими же иероглифами, но меньших размеров и функционировали как фонетические знаки с китайским произношением.

Позже корейцы познакомились с буддийской литературой, в частности на тибетском языке, и кажется наиболее вероятным, что тибетский способ письма был образцом для корейского алфавита, изобретенного, согласно существующей традиции, королем Седжон (1419—1451).

Алфавит, называемый *онмун* (точнее, *онмун*), хорошо приспособлен для передачи звуков корейского языка. Это не силлабическое письмо наподобие японской *кана*; это система знаков, где для каждого гласного и согласного есть свой собственный символ. Символы пишутся вместе, комбинируясь в группы. Каждая группа представляет собою слог, и такие слоги располагаются друг под другом, сверху вниз, в строчку, причем строчки следуют справа налево, на китайский манер. Корейский алфавит хорошо приспособлен для выполняемой им роли, он очень легок в чтении и письме. Но странно то, что эта корейская письменность употребляется или, вернее, считается пригодной лишь для детей-школьников и женщин, тогда как корейцы-мужчины считают признаком образованности употребление китайских иероглифов, отводя на долю корейских знаков обозначение окончаний да иной раз, в неясных, затруднительных случаях, обозначение иероглифа.

Чтение китайских иероглифов на корейской почве имеет длительную историю, и корейский способ произношения или чтения китайских иероглифов, так же как и японский, имеет исключительное значение для китаеведов. Поскольку в нашу задачу не входит исторический обзор китайских чтений и китайских иероглифов, постольку в дальнейшем мы стараемся избегать, насколько возможно, китайских слов и выражений, пытаясь объяснить ту часть современного бытового корейского языка, которая является действительно корейской.

ФОНЕТИКА

СОГЛАСНЫЕ

1. Корейский алфавит имеет следующие знаки для согласных:

к	н	т	л(р)	м	п	с	нь
ㄱ	ㄴ	ㄷ	ㄹ	ㅁ	ㅂ	ㅅ	ㅇ

Эти восемь знаков (и звуков) имеют следующие названия: *киок*, (*н*)*нын*, *чигыт* (*тигыт*), (*р*)*ныл*, *миом*, *пиоп*, *снот*, *ихэнь* (*шынь*).

Эти знаки употребляются как перед гласным, так и после гласного. Кроме того, есть еще знаки для

ч	чх	кх	тх	пх	х
ㅈ	ㅊ	ㅋ	ㅌ	ㅍ	ㅎ

Эти знаки употребляются только перед гласными. Знаки для *чх*, *кх*, *тх*, *пх* образуются путем легкого видоизменения непридыхательных (а именно путем присоединения черточки над знаками для соответствующих непридыхательных).

2. Корейский язык имеет больше звуков, чем число указанных выше знаков; но так как появление, например, звонких вариантов *г*, *д*, *б* отличается явной закономерностью, то существующих букв оказывается достаточно для того, чтобы правильно читать.

3. Корейский язык имеет три серии взрывных: непридыхательные, слабые звуки *к*, *т*, *п*, *ч*; сильно придыхательные звуки *кх*, *тх*, *пх*, *чх*; долгие, эмфатические, неаспирированные звуки *кк*, *тт*, *пп*, *чч*.

К, *т*, *п* и *ч* в положении перед гласными являются слабыми; это значит, что в момент эксплозии (взрыва) наблюдается слабое, вялое преодоление смычки соответ-

ствующих органов речи. Толчок воздушной струи, преодолевающей смычку, отсутствует, и „голос“ слышится либо немедленно после эксплозии, либо даже уже в процессе самой эксплозии. Если такому звуку предшествует звонкий, то „голос“ длится даже в течение того короткого момента выдержки, который необходим. Это означает, что глухие *к, т, п, ч* варьируются с полувзвонкими *G, D, B, DŽ* и звонкими *г, д, б, дж*. Таким образом, записанное корейскими буквами *ката* произносится *када*; *каке* произносится *каге*; *тораката* произносится *торагада*; *торанота* произносится *торабода*; *анча* произносится *анджа*; *камта* произносится *камда* и т. д.

Знаки *к, т, п* в положении после гласных и *л* служат для обозначения смычных, импловзивная часть которых (то есть переход от гласного к последующей смычке) слышится ясно, но выдержка коротка, а взрыв либо незначителен, либо вовсе отсутствует. Таким образом, при произношении, например, слога *ап* последняя фаза артикуляции — эксплозия — вовсе не воспринимается на слух — явление прямо противоположное тому, что наблюдается, например, в английском, да и в большинстве других европейских языков. И все же корейцы, видимо, не испытывают затруднений в различении согласных *п, т, к* в положении после гласного в конце слога: *как, кап, кат*; для различения этих трех звуков не требуется последней фазы артикуляции.

Для обозначения согласного *т* в положении после гласного корейцы употребляют знак *с*, а не *т*.

4. Где два взрывных звука следуют один за другим, там первый из них поддерживается предшествующим гласным, а второй — последующим гласным. Переход от одной смычки к другой происходит без пропуска воздушной струи в промежутке между артикуляциями двух согласных: *капта, капко, пакта, пакча, купчи, кукпчп, папкук*.

5. Аффриката *ч* не может быть в конце слога после гласного; она произносится всегда вместе с гласным сле-

6. Согласные, которые обозначены здесь двойными буквами *кх, пх, тх, чх*, предшествуют гласному; иными словами, они произносятся вместе со следующим за ними гласным. Они могут быть определены как сильно придыхательные. При произнесении этих согласных отчетливо слышится ток воздушной струи между фазой эксплозии и следующим гласным. Эти согласные употребляются как в начале, так и в середине слова. Когда они находятся в начале слова, выдержка, смычка коротка. Но после предшествующего гласного смычка гораздо длиннее, а воздушная струя может слышаться также перед смычкой, перед выдержкой. В интервокальной позиции, например, *акха, атха, апха, ачха* и т. д. произносятся иногда как *ак-кха, ат-тха, ап-пха, ач-чха*, а иногда даже как *ахк-кха, ахт-тха, ахп-пха, ахч-чха*.

7. Когда сильно придыхательные звуки следуют после согласного, то перед смычкой тока воздушной струи не наблюдается; при этом переход от предшествующего согласного к придыхательному взрывному частично может быть оглушенным, если этот согласный звонкий.

8. Так как придыхательные согласные могут произноситься только вместе с последующим гласным, то естественно, что каждый такой звук переходит в соответствующий непридыхательный смычный, когда он оказывается в конце слога. Это — очень важное правило, потому что флектирующие слова, которые имеют придыхательный согласный в качестве последнего звука основы, теряют это придыхание в паузе, а также перед окончанием, начинающимся на согласный. Например, основа **патх* (поле), местн. п. *патх-е* (в поле), но им. п. *пат*; основа **типх* (солома), твор. п. **типх-ыро* (соломой), юж.-кор. *чипх-ыро*, но им. п. *тип* в севернокорейском и *чип* в южнокорейском языке; *нопхын* (высокий), *нопхатпа* (был высоким), но *нопта* (быть высоким); основа **м'өчх* (сколько), *м'өчхил* (сколько дней), но им. п. *м'өт* (сколько).

9. Графемы *кк, тт, пп, чч* (= *тч*), *сс*, когда они встречаются в начале слова, приняты нами для передачи

особого рода артикуляции, где выдержка смычки (при сс-трении) длится примерно в два раза дольше, нежели у слабых согласных *к, т, п, ч, с*. Звуки эти произносятся эмфатически, со специфическим характером смычки (pressure) соответствующих органов речи, которая сопровождается смычкой или резким движением гортани. При отчетливом произношении регистрируется гортанный смычный ?, сопровождающий смычку в полости рта; однако, как кажется, этот гортанный смычный вовсе не обязателен. Имеются диалектальные варианты произношения этих звуков, но, несмотря на все различия, общим остается некоторое сжатие гортани и вызванный этим резкий и высокий тон последующего гласного. Этот высокий тон последующего гласного является не менее характерным, чем длительность смычки или трения предшествующего согласного. С исторической точки зрения корейские звуки этого рода, которые мы будем называть геминатами и которые сами корейцы называют *тдн* (< *тоин*), то есть „густыми“, являются чаще всего результатом стяжения двух смычных, разделенных первоначально кратким гласным. Насколько позволяет судить сравнение с соответствующими словами в родственных языках, первым смычным в большинстве случаев был *п*. Благодаря недостаточной артикуляции этот *п*, видимо, развился в звук, близкий к *ф*, за которым следовало особого рода *с* (глухой присвист?), чем объясняются такие старые написания как *пск-*, *пст-*. Однако вскоре этот редуцированный согласный был заменен гортанным смычным. Например: *пттал* (дочь), которое пишется или писалось *стал*, *пттал*, *пттал*, в зависимости от манеры пишущего, ср. гольдское *patala* (дочь); *ссыда* (употреблять), которое пишется или писалось *ссыда*, *псыда*, ср. *мбпсын* (невозможный, плохой), этимологически *мб-псын* (беспользый); *сси* (семья), которое пишется или писалось *сси*, *пси*, ср. *упси*, которое обычно пишется *упсси* и означает „семена, которые сеются позже между бороздами первого посева“, из *у* „верх, над“ и первоначального *пси* „семья“; ср. маньчж. *fisihe* (просо); *ккада* [очищать (кожуру)], которое пишется или писалось *пкада*, *скада*, *пскада*, ср. маньчж. *faharambi* с тем же значением.

10. Помимо указанного источника геминатов есть еще два пути их образования. Поскольку число согласных, возможных в конце слога, ограничено, артикуляция некоторых согласных конца слога могла быть воспроизведена, так сказать, регрессивно в начальном согласном слога; отсюда современное *ккөкта* (*ккөккө: ккөккын* — ломать) вместо старого *көск-*. Другой процесс, приведший к образованию геминатов, это абсорбция — поглощение предшествующего согласного, например, согласного окончания. Слово „цветок“ первоначально звучало **коч* (ср. яп. *куса* „трава“); окончание родительного падежа (-*й?*, -*с?*), которое во многих случаях предшествовало имени существительному **кот*, могло способствовать образованию современного *ккот*, которое ныне в сев.-кор., с исторической точки зрения, склоняется правильно (например, *ккодж-е* — в цветке), но в юж.-кор. дало такие новообразования как *ккотх-е*, *ккод-е*.

11. Графемы *кк*, *тт*, *пп*, *чч*, *сс* в середине слова употребляются для передачи только долготы согласного, точно так же как *нн*, *мм*, *лл* обозначают лишь долгий согласный, первая часть которого „подпирает“ предшествующий гласный, а вторая часть переходит в следующий гласный. Здесь, таким образом, существенной является лишь долгота. Само собою разумеется, что *кк*, *тт*, *пп*, *чч*, *сс*, *нн*, *лл* — это не два звука, а один долгий.

12. Если долгий согласный при спряжении или склонении слова оказывается в положении перед окончанием, начинающимся на согласный, то геминат заменяется соответствующим кратким.

13. Подобно *к*, *т*, *п*, которые в положении после гласного в конце слога (или слова) произносятся без взрыва, все прочие согласные в той же позиции произносятся аналогично, без явно уловимой эксплозии. Так, например, *ань*, *ан*, *ам* произносятся так, что отчетливо слышится смычка, переход от гласного к соответствующему согласному, но конец согласного не имеет третьей фазы смычного, то есть взрыва.

14. Если зубное *t*, которое этимологически может быть вариантом *tx*, *t*, *чх*, *ч*, *с*, как в спряжении, так и в склонении, оказывается в конце слога, а следующий слог начинается на согласный, то оно уподобляется последующему звуку. Например:

патта (получать), *паннын* (получающий), *пакко* (получаю и... получил и...), *пачча* (давайте получать). Основа *пат-* обнаруживается в *падатта* (получил);

утта (смеяться), *уннын* (смеющийся), *укко* (смеюсь и ...), *учча* (давайте смеяться). Основа *ус-* обнаруживается в *усэтта* (смеялся), *усым* (смех);

пэатта (похитить), *пэаннын*, *пэакко*, *пэачча*, *пэассө*. Основа *пэат-* обнаруживается в *пэадатта* (похитил);

итта (быть), *иннын*, *икко*, *иссө*. Основа *исс-* обнаруживается в *иссэтта* (был);

антта (сидеть), *аннын*, *анкко*, *анчча*, *анссө*. Основа *андж-* обнаруживается в *анджатта* (сел);

матта (соответствовать, быть в пору), *маннын*, *макко*, *мачча*, *массө*. Основа *мадж-* обнаруживается в *маджатта* (был в пору).

15. Приняв во внимание вышеописанное уподобление звука *t* в конце слога, сможем обнаружить его в качестве первоначального во многих корейских словах; так *палпуда* (спешить, торопиться) восходит к *патпуда* от основы **пас-* (давить, жать); *киппуда* (радостный) восходит к *киппуда* < **киспуда*; *киккөпта* (радостный) восходит к **кискөпта* и т. д.

16. Когда за *tx* и *t* следовал гласный или полугласный *i*, то севернокорейский сохранил эти *tx* и *t* в неизменном виде, а в южнокорейском *tx* и *t* дало *чх* и *ч* (соответственно *дже*):

txh̄öŋ (небо), юж.-кор. *чхөч*,

txh̄io-nhi (шкура соболя), юж.-кор. *чхо-пхи*,

txh̄öi (тело), юж.-кор. *чхе*,

tih̄ö (тот, то), юж.-кор. *чө*,

tih̄öxyn (хороший), юж.-кор. *чөхын*,

tik'öŋb̄ (граница), юж.-кор. *чиг'өнб̄*,

tih̄öpsi (блюдец), юж.-кор. *чөпси* (ср. монг. *tebsi*).

В севернокорейском есть диалекты, которые в этом случае сохранили старый зубной согласный; в других диалектах произошла депалатализация зубного: *т'ө* и *тө* (то, тот), *т'өпши* и *төпши* (небольшое блюдо, небольшая тарелка, блюдце), *т'охын* и *тохын* (хороший) и т. д. Все эти севернокорейские диалекты должны быть подвергнуты подробному изучению, поскольку они могут послужить критерием того, в каких случаях юж.-кор. *чх* и *ч* изначальны, а в каких случаях они являются следствием палатализации первоначальных *тхи* и *ти*.

17. В тех же севернокорейских диалектах юж.-кор. *чх* и *ч* отражается в одних случаях как *чх* и *ч*, в других случаях как *цх* и *ц*. Здесь *цх* и *ц* восходят к *чх* и *ч* твердым, тогда как *чх* и *ч* к *чх* и *ч* мягким:

чал (хорошо), сев.-кор. *цар*,
чул (линия), сев.-кор. *цур*,
царада (достаточный), сев.-кор. *царада*,
чакта (маленький), сев.-кор. *чакта* из **ч'ак-*,
чөджын (мокрый), сев.-кор. *цөдзын*,
чөлмын (молодой), сев.-кор. *чөрмун* из **ч'өрм-*.

18. Юж.-кор. *с* перед гласным произносится в севернокорейском либо *с*, либо *ш*. Сев.-кор. *ш* восходит к *с* мягкому. Перед гласным *и* согласный *с* в севернокорейском произносится только как *ш*.

сөда (стоять), сев.-кор. *шөда* из **с'ө-*,
мөгөсө (поев), сев.-кор. *мөгөшө* из **мөгөс'ө*.
сань (награда), сев.-кор. *шань*,
сур'өнъ (глава местной администрации). сев.-кор.
шур'өнъ,
көс-и (вещь), сев.-кор. *көш-и*.

19. Поскольку в южнокорейском палатализованные *чх* и *ч* не противопоставлены твердым и произносятся как *чх* и *ч*, то существующее ныне правописание не является во всех отношениях надежным: пишут *ч'уда* и *чуда* (давать), тогда как в свете сев.-кор. *цуда* ясно, что принятое написание *ч'уда* исторически неправильно. То же самое относится и к правописанию *с* твердого и

мягкого: глагол „стоять“ записывают то *сѳда*, то *с'ѳда*; последнее написание скорее соответствует сев.-кор. *шѳда*.

В общем, севернокорейское произношение со всеми его вариантами представляет, с исторической точки зрения, гораздо большую ценность, нежели правописание, принятое ныне в сеульской печати.

20. В некоторых диалектах юга *кх* и *к* мягкие дали соответственно *чх* и *ч*:

<i>кил</i> (дорога)	<i>чил</i> (на острове Квельпарт)
<i>ким</i> (Ким — фамилия)	<i>чим</i>
<i>чиг'ѳнь</i> (граница)	<i>чиджѳнь</i>
{ <i>киул</i> , <i>киури</i> (отруби из пшеницы)	<i>чиури</i>

Такая эволюция *кх* и *к* представляет собой местное явление сравнительно недавнего происхождения. Подобного рода произношение не является образцовым, оно не попало в литературный язык, хотя в некоторых случаях и может обнаружиться в отдельных произведениях.

21. Когда за смычным следует носовой, то такой смычный уподобляется носовому: *мѳкта* (есть), но *мѳньнында* (ест); *патта* (получать), но *паннында* (получает); *пѳкма* (белая лошадь) произносится *пѳньма*; *сипли* > *сипни* (десять ли — корейская мера длины) произносится *симни*; *м'ѳтнал* (сколько дней) произносится *м'ѳннал*; *ккотнада* (цвести) произносится *кконнада*; *апни* (передний зуб) произносится *амни*; *пат-мада* (каждое поле) произносится *панмада* и т. д.

Это правило касается только сочетаний смычного с *н* и *м*, начинающими слог. Что касается *нѳ*, то оно начинать слог не может.

22. В некоторых диалектах сочетание *нѳ* + *г* произносится наряду с обычным *нѳг* как долгое *нѳнь*: *камгида* (скатываться, свертываться) произносится в одних диалектах как *канѳньнда*, в других — как *канѳгида*, *камнѳнда*; *симгыда* (сажать) произносится то *синѳньгыда*, то *симнѳгыда*, то *синѳгыда*, в зависимости от говора.

23. Как нам кажется, в свое время в корейском языке существовал фонетический закон, согласно которому заднеязычное *нь* в положении между гласными в силу постепенного ослабления артикуляции исчезало, результатом чего было в ряде случаев стяжение двух гласных в один. Под действием того же закона исчез и тот звук, который лучше всего может быть определен как палатальное *н*. Для этого носового согласного, который до некоторой степени был похож на слабо назализованное *й*, в корейском алфавите была особая графема, маленький треугольник Δ . Произношение этого звука варьировалось от диалекта к диалекту; артикулировался он очень слабо. Это явствует из весьма разнообразных способов передачи его на письме. Как особая фонема это мягкое *н* исчезло в корейском языке давно. Например, *кэ* (собака) записывается как *каи*, восходит к **кан'и* (ср. гиляцкое *кап* — собака, турецкое *қаңсиқ* — сука); *ка* (берег) восходит к *кан'*; *өи* (самка, о животных) восходит к **өн'и* (ср. тунг. *ен'е* — мать).

24. Авторы маленького, но вполне надежного русско-корейского словаря, изданного в 1904 г. в Казани, употребляют два знака для *нь*, отмечая таким образом различие между более сильным произношением *нь* в конце слога и более слабым произношением его перед последующим гласным:

кан̄ (река), но *кан̄-и* (относительно *-и* см. п. 86),
нاران̄ (страна), но *нarin̄-и* и т. д.

Это ослабление артикуляции *нь* перед гласным, как кажется, является древним; оно объясняет наличие таких вариантов, как юж.-кор. *нара* и сев.-кор. *нاران̄* (страна), юж.-кор. *мада* и сев.-кор. *мадан̄* (каждый) и т. д.

25. Согласный *н* сохранился во всех случаях; исключением является *н* в положении перед гласным или полугласным *и*, *й*. Здесь *н* очень давно палатализовалось и подобно исконному **н'* исчезло вовсе. Это хорошо доказывается современными формами слов, заимствованных из китайского языка:

ни — человек; ныне *ин*, местами в севернокорейском
-*ни*, *ин*-,

ни — два, ныне *и*,

нйѳн — год, ныне *йѳн*, сев.-кор. *нйѳн* или *нѳн*,

нйѳ — женщина, ныне *йѳ*, сев.-кор. *нйѳ* или *нѳ*,

нйѳи — древний, ныне *йѳе*, сев.-кор. *нйѳе* или *нѳе*
и т. д.

Это правило действовало лишь в отношении началь-
ного *н*. В остальных случаях, как, например, в сложно-
составных словах, где морфема с начальным *н'* оказывалась
в середине слова, это *н'* сохранилось:

йѳн (год), но *ин'ѳн* (два года),

йѳе (да), но *он'ѳе* (да),

йѳ (женщина), но *сон'ѳ* (я, ваша дочь; дословно: ма-
ленькая женщина).

26. Как уже говорилось, в корейском языке для *р* и *л*
есть лишь одна графема. Произношение этой фонемы
варьируется от диалекта к диалекту. Все же могут быть
предложены следующие общие правила:

1) в начале слова не может быть ни *р*, ни *л*; они за-
меняются *н*; относительно *ли* и *лй* см. ниже;

2) в положении между гласными имеем краткое *р*
и соответствующее ему долгое *лл*, изображаемое графиче-
ски как *лн*;

3) в положении между гласным и согласным *х*
имеем *р*;

4) в положении между гласным и любым другим со-
гласным, кроме *х*, а также в конце слова в северно-
корейском имеем *р*, а в южнокорейском *л*.

Корейское *р* является слабым и малоударным соглас-
ным. *Л* является обычным билатеральным *л*, ни в коем
случае не палатализованным.

27. Корейский язык никогда не имел в начале слова
ни *р*, ни *л*, подобно тунгусским и монгольским языкам.
Начальное *л* в словах, заимствованных из китайского,
произносилось как *н*. Там, где в китайском были *ли* и *лй*,
они закономерно дали в корейском *ни* и *нй*, которые
большой частью сохранились в севернокорейском, да

в южнокорейском *и* и *й*. согласно закону о начальном *н*. Например:

- кит. *лок* (зеленый) дало *нок*;
 кит. *лам* (голубой) дало *нам*;
 кит. *латйөн* (латинский) дало *наджөн, наджын*;
 кит. *лакуи* (осел) дало *нагви*;
 кит. *лохйөнъ* (старший брат) дало *нох'өнъ* (вы);
 кит. *лайил* (грядущий день) дало *нэйл*, сев.-кор. *нээл* (завтра);
 кит. *лампи* дало *намби* (сковорода; ср. яп. *набэ*),
 англ. *lamp* дало *нампуху* (ср. яп. *рампу*);
 кит. *ли* (верста) дало *и*, сев.-кор. *ни*;
 кит. *лйук* (шесть) дало *йук* (*юк*), сев.-кор. *нюк*.

В сложносоставных словах китайское *л* перед гласным большей частью сохранило произношение *н*, которое вызвало назализацию предшествующего смычного: **л'от-ли* > *л'өнни* (сколько ли (верст), **лйук-ли* > *юнъни* (шесть верст), *сип-ли* > *симни* (десять верст), **сип-лйук* > *симнюк* (шестнадцать), *сип-лйук-ли* > *симнюкни* (шестнадцать верст).

28. Существуют диалекты (с представителями которых мне пришлось встретиться в вагоне поезда в Северной Корее), которые имеют в качестве начального звук средний между *н*, *л*, *д*, вероятно, своего рода назализованное *л* с кончиком языка в положении при артикуляции *д*. В таких говорах слово *не* (четыре) произносится как *дуи*, *луи* или *дүйи*, *лүйи*. Представители некоторых диалектов, с которыми мне пришлось встречаться, как кажется, не различали в начальной позиции *л*, *н*, *д*, *р*.

29. Ясно, что корейский язык трактует звуки *л* и *р* как одну фонему, противопоставляя одновременно краткое *р* долгому *лл*. *Р* произносится в положении между гласными и перед последующим *х*. В южнокорейском в положении после гласного всегда слышится *л*, если только это *л* принадлежит тому же слогу, что и гласный; однако *л* дает *р*, если эта фонема переходит в состав

следующего слога. В старокорейском произношение, видимо, было таким же, как ныне в севернокорейском, где в положении после гласного слышим регулярно *p*:

салго (живу и ...), *саратта* (жил), *сарым* (жизнь), *салм'ён* (если жить ...);

тылго (поднимаю и ...), *тырётта* (поднял), *тырым* (подъем), *тылм'ён* (если поднять ...);

йёлго (открываю и...), *йёрётта* (открыл), *йёрым* (открытие), *йёлм'ён* (если открыть ...);

моalgo (гоню и ...), *моратта* (гнал), *морым* (гонка), *молм'ён* (если гнать ...) и т. д.

Во всех приведенных примерах севернокорейские диалекты дают регулярно *p*.

30. Если за *л* (сев.-кор. *p*) следовал в том же самом или следующем слоге зубной согласный (*тх, т, д, с, чх, ч, дж*), то *л(p)*, видимо, уже в давние времена стал произноситься ослабленно и наконец исчез. Исчез он также и перед билабиальным *в*, признаком пассивной основы глаголов (собственно *-ву, -бу*), давшим впоследствии *о, у*. Закономерное развитие глаголов с конечным *л(p)* привело, таким образом, к тому, что это *л(p)* исчезло перед многими окончаниями. Если это *л* все же пишется и даже произносится перед некоторыми окончаниями, например перед *-да*, то это зависит от более позднего восстановления прежнего положения вещей; это могло быть также намеренным нововведением со стороны теоретиков грамматики. Ср. те же примеры:

сада (восстановленное *салда* — жить), *сан* (живший), *санын* (живущий), *саджи* (возможно, живет), сев.-кор. *сади, сарди*;

тыда (восстановленное *тылда* — поднимать), *тын* (поднятый), *тынын* (поднимающий), *тыджи* (возможно, поднимает), сев.-кор. *тыди, тырди*;

мода (восстановленное *молда* — гнать), *мон* (гнавший), *монын* (гонящий), *моджи* (возможно, гонит);

йёда (восстановленное *йёлда* — открывать), *йён* (открывший), *йёнын* (открывающий), *йёджи* (возможно, открывает).

31. В результате описанного процесса язык потерял сочетания согласных *лтх, лт, лд, лс, лчх, лдж*. Остались лишь сочетания *лк, лп, лпх, лх*. Но если за *лк, лп, лпх* следует согласный, то в современном корейском выпадет либо *л*, либо *п*, *к* (последнее наблюдается в том случае, когда последующий согласный является смычным):

пукта (быть красным; произносится *пукта*, в диалектах также *пултта*), *пугын* (красный),

макта (быть чистым, быть светлым; произносится *макта*, в диалектах также *малтта*), *магын* (чистый, светлый),

палта (ступать; произносится *палта*, в диалектах также *палтта*), *палбатта* (ступал),

нелта (быть широким; произносится *нелта*, в диалектах также *нелтта*), *нелбын* (широкий).

32. Приняв во внимание эту тенденцию к исчезновению *л*, можем во многих словах обнаружить следы этого звука, особенно в именах существительных, где именительный падеж оказал сильное влияние на прочие падежи:

ап (перед), *апх-е* (впереди); в старом языке *аллх-е*. Здесь местный падеж *апх-е* перестроился по образцу именительного *ап*, в котором закономерно опускалось *л*; *

алтха (болеть); основа *аллх-*; *апхуда* (больно) от более ранней формы *аллху-* из *аллх-* + окончание *-бу*. Исчезновение *л* закономерно;

пхат, диал. *пхот* (бобы), местный падеж *пхатчх-е*, *пхотчх-е*. Ср. турецк. *buğdaç* (горох).

33. Что касается сочетания *лх*, то оно обычно дает *р*, поскольку *х* произносится слабо, если оно вообще произносится. Если за этим сочетанием следует смычный, то он превращается в придыхательный. Сочетание *лхн* дает *лл*, а *лн* дает *н*. Например:

олтха (из **оллх-та* — правильный, правый), *орхатта*, *оратта* (был прав), *орхын*, *орын* (правый, правильный), но *олкхе* (правильно);

кылтха (из **кылх-та* — варить), *кырхөтта*, *кырөтта* (варил), *кыллын* (из *кырх-нын* — варящий), но *кылкхо* (варит и . . .);

ттултха (из **ттулх-та* — протыкать, проделывать дырку); *ттурхөтта*, *ттурөтта* (проткнул), *ттурхын*, *ттурын* (проткнувший), *ттуллында* (протыкает).

34. В ряде заимствованных из китайского слов находим конечное *л(р)*. Оно соответствует реконструируемому *т(д)* в собственно китайском языке. Произношение этого звука в китайском, видимо, изменилось так, что *д* дало спирант *д̥* наподобие *th* в английском *this*. Уже в древнем китайском этот спирант мог представлять некую разновидность *р*. Это **д̥* ~ (**т*) дало в японском слоги *-ту*, *-ти*, произносимые ныне *-цу*, *-ти*. Например:

кор. *вөл*, сев.-кор. *вөр*, яп. *гвэцу* из **гвет*, совр. кит. *jū* (луна, месяц);

кор. *тх'өл* (произносится *чхөл*), сев.-кор. *тх'өр*, яп. *тэцу* из **тхет*, совр. кит. *the* (железо);

кор. *ил*, сев.-кор. *ир*, яп. *нити*, *дзицу* из *нит*, *дит*, совр. кит. *pí* (день);

кор. *пхил*, сев.-кор. *пхир*, яп. *хицу* из *пхит*, совр. кит. *í* (кисточка для письма);

кор. *пхал*, сев.-кор. *пхар*, яп. *хати* из **пхат*, совр. кит. *p̄ha* (восемь);

кор. *сал*, сев.-кор. *сар*, яп. *сацу* из **сат*, совр. кит. *sa* (убийство).

35. Это конечное *л(р)* в заимствованных из китайского языка словах сохранилось перед зубными в противоположность *р* исконно корейских слов. Единственным исключением является, пожалуй, *пул*, *пу* (не), следующие закономерностям исконно корейских слов: *пулгил* (несчастье), *пулпөп* (беззаконие), но *пудонъ* (неодинаковый, не тот же самый), *пудөк* (лишенный добродетели), *пуданъ* (несоответствующий). Ср. корейские слова *ханал* (небо), но *хананим* (бог); *сымул* (двадцать), *сымурхана* (двадцать один), но *сымуду* (двадцать два), *сымусе* (двад-

цать три), *сымуне* (но также *сымулле* — двадцать четыре); *сол* (сосна), *наму* (дерево), но *сонаму* (наряду с *солламу* — сосновое дерево); *мул* (вода), но *муджиге* (радуга) из *мул* (вода) + *чиге* (приспособление для переноски груза на спине, рогулька); *ссал* (рис), но *ссаджон* (рисовая лавка); *сал* (мясо), *тынъ* (спина), но *сadyнъи* (спина); *паныл* (иголка), но *паныджил* (шитье) при *чил* (работа).

36. Если последним слогом основы являются *ро*, *ру*, *ры* с кратким гласным, то эти *ро*, *ру*, *ры* перед окончанием, начинающемся на гласный, переходят в *лл*:

моруда, *морыда* (не знать), но *моллатта* (не знал);

оруда, *орыда* (подниматься), но *оллатта* (поднялся), *оллда* (поднимать);

хырыда (течь), но *хыллө* (протекая);

(н)ырыда (называть), но *иллөтта* (назвал);

пурыда (звать), но *пуллө* (позвав), *пуллида* (быть названным, быть названным, называться);

харо (один день), но местный падеж *халл-е* (наряду с *харо-е*);

маро, *малло* (гребень горы), но *малл-е*, *малло-е* (на гребне горы).

Это изменение *л(р)* с последующим кратким гласным в *лл*, напоминающее греческое склонение типа *polys*, множ. *polloi*, следует особенно хорошо помнить при спряжении глаголов данного класса.

37. Сочетания *лн* и *нл* закономерно дали *лл*, за исключением старых корейских слов, где *л* исчезло перед *н*:

чөлли произносится *чөлли* (тысяча „верст“);

пунлан произносится *пуллан* (беспорядок);

манли произносится *малли* (десять тысяч „верст“);

пул нада произносится *пуллада* (загореться);

сол наму произносится *солламу* (сосна; ср. *сонаму* с тем же значением);

инлю произносится *иллю* (человеческий род).

Таблица ассимиляций согласных

Первый слог оканчивается на:

Второй слог начинается с:	к*	т**	п***	н	м	л****	нъ
к	кк	кк	пк	нъг	мг	лг	нъг, нънъ
т	кт	тт	пт	нд	мд	лд, д	нъд
п	кп	пп	пп	мб	мб	лб	нъб
ч	кч	тч	пч	ндж	мдж	лдж, дж	нъдж
с	кс	сс	пс	нс	мс	лс, с	нъс
н	нън	нн	мн	нн	мн	лн, н	нън
м	нъм	мм	мм	мм (нм)	мм	лм	нъм
р, л	нън	нн	мн	лл	мн	лл	нън

* -к из исконного *к, кх, ск* и *лк*.** -т из исконного *т, тх, с, сс, ч, чх*.*** -п из исконного *п, пх, пс, лп*.

**** -л или -р ассимилируется или поглощается предшествующим гласным, если следующее за *л, р* окончание начинается на зубной; древние сложносоставные слова следуют тому же правилу; однако в новых сложносоставных словах, а также на стыке двух независимых слов *л* сохраняется.

38. Согласный *х* произносится при условии наличия ударения на последующем гласном; с потерей ударения исчезает и *х*, по крайней мере в южнокорейском произношении. *Х* встречается большей частью в начале слова; но в ряде диалектов он слышен также во втором и третьем слогах, то есть там, где южнокорейский давно утерял его. В некоторых диалектах он чередуется с *с*; с исторической точки зрения *х* во многих случаях действительно восходит к *с* (или *з*?). В некоторых диалектах мягкое *х* часто слышится как *сь* и *ш*:

каыл (осень), в диалектах *кахыл, кахыр, касыр*;
к'өул (зима), в диалектах *кеул, кеур, к'өсыр*;
махын (сорок) произносится *маын*;
көс-ыл (вещь — вин. п.) произносится *көыл, көл, -гөл*;
утта (смеяться), *усым* (смех), в диалектах *ухым, уым*;
х'ө (язык), в диалектах *с'ө, шө, шөттэ*.

Ср. *хйна* (один) с айнским *шине* (один); *хйда* (делать) с маньчж. *se-* (делать, говорить), яп. *суру* (делать);

хый- (белый) с тунг. *si-*; *хай* (день), произносится *хэ*, с тунг. *siip* и маньчж. *šip* (солнце).

39. Конечными звуками некоторых глагольных основ являются *рх(лх)* и *нх*. В этого рода глаголах *х* отражается в аспирации последующего смычного там, где это возможно; где это невозможно, *х* исчезает бесследно:

мантха (многочисленный), основа *манх-*; *манкхо* (многочисленный и ...), *манчхи* (много), но *мансо* (много), *ман(х)ын* (многочисленный), *манхи* (много), произносится *мани*.

ккылтха (кипеть), основа *ккылх-*; *ккылкхо* (кипит и ...), но *ккылсо* (кипит), *ккыллида* (заставлять кипеть), *ккыллында* (кипит).

40. Есть ряд глаголов, конечным звуком которых является „*х* после гласного“; это *х* также отражается в аспирации последующего смычного, не оставляя следов в других случаях. Корейская орфография сохраняет его повсюду, но в произношении он не сохранился:

чотха (быть хорошим), сев.-кор. *тётха*, основа **т'ох-*; *чокхо* (хороший и ...), *чокхе* (хорошо), юж.-кор. *чохын* (пишется *чохын*), сев.-кор. *т'оын*, *т'оун* (хороший);

нөтха (положить в), основа **нөх-*; *нөкхо* (положить и ...), сев.-кор. *нөын*, *нөөн*, *нөн*, пишется *нөхын*, (положенный);

нотха (отпустить), основа **нох-*; *нокхе* (чтобы отпустить), *нотчхи ани хада* (не отпустить).

41. *Х* в конце основы, как сказано выше, перед смычным не исчезает бесследно, а аспирирует этот смычный. Исконно придыхательные смычные такого воздействия на окончание не оказывают:

нопхын (высокий), основа *нопх-*; *нопча* (быть высоким), *нопко* (высокий и ...), *нопчи ани хада* (не высокий);

капхын (оплаченный), основа *капх-*; *капта* (платить), *капхатта* (заплатил), *капке хада* (заставлять платить);

халтхатта (лизал), основа *халтх-*; *халтта* (лизать);

чотта (спугнуть), основа *чочх-*; *чочхатта* (спугнул), *чокко* (спугиваю и ...), *чокке хада* (заставить спугнуть).

42. Есть основания полагать, что в корейском языке были некогда щелинные *г* и *б*. В севернокорейских диалектах, которые во всех отношениях древнее южных, еще до сих пор находим эти звуки. Что касается исчезновения *б*, то ср. следующие данные из двух основных диалектов:

сев.-кор. <i>обун</i> (все)	юж.-кор. <i>бн</i> ; ср. тунг. <i>иркат</i>
сев.-кор. <i>мугбун</i> (тяжелый)	юж.-кор. <i>мугбун</i>
<i>мугби</i> (вес)	<i>муге</i>
сев.-кор. <i>каккабун</i> (близкий)	юж.-кор. <i>каккаон</i>
<i>каккаби</i> (близко)	<i>каккаи</i> (пишется <i>каккахи</i>)
сев.-кор. <i>хэбун</i> (один, в одиночестве)	юж.-кор. <i>хэн</i> ; ср. <i>хэна</i> (один)

43. Слоги *ва*, *вө*, как правило, дали *о*, *у*; таким образом, имеем ныне *хао* вместо старого *хэва*; *поо* вместо старого *пова*; *по*, *пу* вместо старого *ивө*. В начале слова слог *вө* дал *ө*, во всяком случае в основе *ө-* с вопросительным значением (в *өна*, *өттө*, *өтчи*), которая, согласно Россу, в некоторых северных диалектах еще до сих пор произносится *вө*, восходя к архаическому **мө*, **ми* (что). Как окончание пассивной основы спирантное *б* употреблялось в глаголах с конечным *л*, *р*; таким образом, имеем ныне *ао* (знает), *йөо* (открывает) от предполагаемых **алва*, **йөлвө* и т. д.

44. Щелинное *г* (то есть *γ*) может быть обнаружено в словах типа *наму*, *намо*, *нэмак* (дерево), *чаро*, *чару*, *чарак* (ручка), древним произношением которых могло быть *нэмаг*, *чарэг*; в сев.-кор. эти слова до сих пор произносятся как *намги*, *чарги* (с окончанием *-и* как дегерминативной формой). Здесь, очевидно, *г* перешло в гласный после предшествующего гласного, сохранив-

шись, однако, в том случае, если этот предшествующий гласный исчез. Сюда же относятся существительные на *о*, *у* и, возможно, многие слова на *е*, как, например, сев.-кор. *сурги*, юж.-кор. *суре* (телега).

ГЛАСНЫЕ

45. Корейский алфавит имеет следующие знаки для гласных:

	<i>a</i>	<i>ə</i>	<i>o</i>	<i>y</i>	<i>ɨ</i>	<i>u</i>	<i>Ǟ</i>
в начале слова	아	어	오	우	으	이	으
в слове	ㅏ	ㅓ	ㅗ	ㅜ	ㅡ	ㅣ	ㅝ

Добавочная черточка к знакам, изображающим *a*, *ə*, *o*, *y*, дает знаки для *я*, *йə*, *ё*, *ю*. Сочетание гласной графемы с графемой *u* дает изображение дифтонгов. Таким образом имеем:

[*] я	йə	ё	ю	
야	여	요	유	
au(=э)	eu(=е)	йeu(=йе)	yu	Ǟu(=э)
애	에	예	의	익
oa(=ва)				
[*] 외				

Корейский порядок гласных: *a*, *я*, *ə*, *йə*, *o*, *ё*, *y*, *ю*, *ɨ*, *u*, *Ǟ*. Все гласные помещаются в словарях между *с* и *нб*.

46. Так обстоит дело с графемами для гласных. Что касается произношения, то оно значительно изменилось с тех пор, как был изобретен корейский алфавит. Нынешнее литературное произношение может быть описано следующим образом:

a — гласный заднего ряда, нижнего подъема, долгий и краткий;

ə — широкое *e*; отодвинутый назад гласный, что придает ему оттенок *ö* заднего ряда; губы не округлены; гласный среднего подъема, заднего или смешанного ряда;

напоминает английский гласный в *bird, world, urn*; бывает как кратким, так и долгим;

o — гласный нижнего подъема, заднего ряда, огубленный;

y — гласный верхнего подъема, заднего ряда, огубленный; он имеет, видимо, два оттенка: один более задний, другой — произносимый поднятием языка к средней части неба;

ы — гласный верхнего подъема, смешанного ряда, напоминает русское *ы*, турецкое *i*;

и — гласный верхнего подъема, переднего ряда, как и в других языках;

я — гласный заднего ряда, долгий и краткий; произносился, видимо, так же, как гласный в английских словах *blood, club*.

47. Все перечисленные гласные дошли до нас в неизменном виде; что же касается гласного *я*, который корейцы называют „кратким *a*“, то он причиняет много трудности говор столиц, потеряло этот гласный, и он развился там либо в *a*, либо в *ы*, реже в *ө*. Это многообразие переходов породило различную орфографию; все же наиболее обычной является передача его через „долгое *a*“. Так поступают при всех переизданиях старых документов и книг. Например, *хяда* (делать), *хяйн* (делающий) ныне записываются как *хада, ханан, ханын* (иногда даже *ханон*).

С исторической точки зрения это „краткое *a*“, подобно английскому гласному в *blood, cup*, является позднейшим развитием более раннего гласного заднего ряда (*a, o, y*), который произносился, видимо, недостаточно отчетливо в силу своей краткости; долгое *я*, надо полагать, появилось позже. Например, *мял* (конь), сев.-кор. *мяр*, диал. *мор*, ср. монг. *morin*, тунг. *murin*, турецк. *mor*; *пхят* (бобы) (с окончанием: *пхятчи*), диал. *пхот* (*пхотчи*), ср. турецк. *buğdaç* (горох). Всякий раз как встречаем в диалектах чередование *a* с *o* или *a* с *y*, можно предположить, что за этим чередованием стоит более раннее *я*. В положении перед *c, л, p* и после *х я* писалось

также в тех случаях, где с исторической точки зрения более вероятным был какой-то гласный переднего ряда. Это может означать, что некогда такой гласный переднего ряда произносился как *й* перед *с* и *р* (*йс* из более раннего *ys* и *өс*; *йр* из более раннего *ыр*) и после *х* (*хйда* из предполагаемого **хөда*).

48. Гласные могут сопровождаться предшествующим полугласным *й*, что дает *йя*, *ё*, *йө*, *ю* со слабым *й*. Как сказано выше, сами корейцы рассматривают эти сочетания звуков как особые гласные. Во многих словах *йө* произносится ныне как *е*: *п'өда* и *педа* (прислоняться), *п'өге*, *пеге*, *пегэ* (подушка). При отчетливом произношении более правильным является все же *йө*. Сочетания *йы*, *йи* и *йя* исчезли, видимо, уже к моменту создания корейской письменности. Если они когда-нибудь существовали, то потеря их вызвана поглощением *й* либо предшествующим согласным (палатализация), либо последующим гласным *и*. В современном языке *я*, *йө*, *ё*, *ю* утратили первый элемент, то есть *й*, после *с*, *ч*, *чх* и *дж*; таким образом, *ся* произносится как *са*, *чя* как *ча* и т. д. Но в некоторых северных диалектах *ся* произносится как *ша*, *чя* как *ча*, *чхя* как *чха*, тогда как *ча* произносится как *ца*, *чө* как *цө*, *чхө* как *цхө*, *чо* как *цо* и т. д. (см. шп. 16—19). Экардт говорит в своей грамматике, что после *с*, *ч*, *чх* гласные *я*, *ё*, *йө*, *ю* произносятся почти без *й*, но что в этом случае гласный, как правило, долгий; например, *сань* (стол), но *сянь* (верх) произносится как *саянь*, с долгим гласным.

49. Перед гласными может быть также полугласный *й*. До сих пор сохранились сочетания *ва* и *вө*, которые записываются соответственно как *оа*, *уө*. Если допустить, что в старокорейском языке были *во* и *ву*, то они должны были дать *о* и *у*; точно так же древнее *вы* дало, видимо, *у*, *ви* дало *и*, а *вй* дало *о*. Сочетания гласного с последующим полугласным *у* отразились в позднем языке в виде долгого гласного, как это имеем в южнокорейских диалектах; ср. *өн*, сев.-кор. *обун* (все); *хөн*, сев.-кор. *хабун*, первоначально *хйбун* (один(окий)).

50. Сочетания гласного с последующим полугласным *й* — весьма распространенный тип дифтонга в корейском языке, о чем свидетельствует орфография: *аи, өи, ои, ьи, ай*, а также *яи, йөи, ёи, юи* и, равным образом, *ваи* и *вөи*. Нынешнее произношение этих исконных дифтонгов таково:

аи произносится как *э*; широкое *а* переднего ряда, нижнего подъема, шире, нежели английское *а* в *шап*;

өи произносится как *е*; *е* переднего ряда, среднего подъема, почти как английский гласный в *day*;

ои; наиболее частое произношение этого гласного *ö*, как немецкое *ö* в *schön*; но во многих диалектах он произносится как *ве* со слабым *в* и несколько огубленным *е*;

уй произносится как *й* во французском *tue*; во многих диалектах оно произносится как *ви* в параллель произношению письменного *ои* как *ве*;

ьи произносится как дифтонг, очень часто как просто *и* с несколько более задним начальным элементом; окончание родительного падежа *ьи* является более широким и звучит часто как краткое *е*;

ай произносится как *э*, иными словами, как широкое *е*; в ряде случаев оно произносится как *ьи*; например, *өдаи* (где) произносится как *өдэ, өдэ, өдыи, өдй, өди*.

51. Все вышесказанное показывает, что после введения в действие корейской письменности в языке произошло превращение дифтонгов в простые гласные, что дало новые гласные *э, е, ö* и *й*. В некоторых диалектах ныне имеется два *е* — закрытое *е* (из *өи*) и открытое *е* (из *ай*).

52. Что касается графических трифтонгов *йаи, йөи, йои, йуи* и *ваи, вөи*, то вопрос о их произношении решается просто после того, что было сказано выше о полугласных *в, й* перед гласным и о нисходящих дифтонгах с *и*. Надо, быть может, только указать, что *йои* обычно произносится как *йö* или *ö*, а *йуи* как *йү* или *ү*:

паи (лодка, судно) произносится *пэ*,

налгаи (крыло) произносится *налгэ*,

таи (бамбук) произносится *тэ*,

чигѳи (рогоулька; приспособление для переноски груза спине) произносится *чиге*,
чхѳи (тело) произносится *чхе*,
чйи (пепел, зола) произносится *чэ*,
кагаи (возможно, пойдѳет) произносится *каге* (окончание по двоякого рода *-каи* и *-кѳи*; вариант *-кѳи* ныне стал нераспространенным, поглотив окончание *-каи*),
тоида (становиться) произносится *тѳда* или *тведа*,
куи (ухо) произносится *кѳ* или *кыи* (можно услышать *кѳи*),
куи-ѳи (в ухе) произносится *кѳе*, *кѳье*, *кѳийе*,
пуй (метла) произносится *пи*, реже *пѳ* или *пѳи*,
пхыида (цвести) произносится *пхида*,
пунда, *пыида* (пустой) произносится *пида*,
муипта (неприятный, противный) произносится *мипта*,
сарймайи (старое написание родительного падежа от ени существительного *сарйм* — человек) произносится *сарамый* (окончаниями были *йи* и *ыи*; последнее обладало).

Дифтонги *уи* и *ыи* после губных согласных, как право, произносятся как *и*; соответствующим образом изменилось и правописание.

53. Произношение графических дифтонгов и трифтонгов различно в зависимости от диалекта. Так, например, произносятся как *а*, *йѳ* как *е*, а в некоторых местах *ке* как *и*; *йе* произносится как *е* или *и*; *йо* как *о* или *ю* как *ѳ*; *ои* как *ве*, *ви*, *о*, *э*, *и*, и т. д. Проф. С. Огура своих работах привел много тонких наблюдений над временным произношением гласных в южных районах Кореи. Не имея возможности подробно останавливаться на корейской диалектологии, мы в дальнейшем придерживаемся произношения, свойственного диалекту Сеула.

КОЛИЧЕСТВО (ДЛИТЕЛЬНОСТЬ) ГЛАСНЫХ

54. Корейские гласные бывают краткими и долгими; долгота слышится отчетливо в том случае, когда слово произносится под ударением. Если слово с кратким гласным ударно, долгота проявляется в согласном, который идет за гласным.

Краткий гласный

ам — самка
пал — нога
нам — ночь
нун — глаз
ким — Ким (фамилия)
пэм — обычный (кит. слово)
кил — дорога
төл — окончание множ.

числа

сан — гора
нэ — мой
тōда — становится
мал — конь
там — стена
тэ — бамбук
тан — пучок
чань — рынок

и т. д.

Долгий гласный

ам — конечно
пал — рука в длину
нам — каштан
нун — снег
ким — сорняк
пэм — тигр
кил — длина
төл — менее

сāн — живой
нэ̄ — ручей
тōда̄ — густой
мāл — слово, речь
тāм — сифилис
тэ̄ — большой (кит. слово)
тāн — кайма
чань̄ — соус из бобов

и т. д.

55. Видимо, наиболее существенным является различие в количестве гласного первого слога. Различие в количестве гласного последующих слогов не столь отчетливо, если речь идет о исконно корейском слове. Однако если слово является заимствованным из китайского языка и входит как элемент в сложносоставное слово, то количество гласного в нем слышится отчетливо в каждом слоге. Это необходимо для дифференциации китайских омофонов, то есть одинаково звучащих слов.

56. Гласный первого слога корейского слова не всегда остается долгим. Так, отрицание *ани*, *ан* произносится то с долгим, то с кратким *а*. Как правило, долгий гласный оказывается кратким в сложносоставных и производных словах. Например: *салда* (жить) (первый *а* долгий), но *саллида* (спасти от смерти); *алда* (знать) (первый *а* долгий), но *аллида* (дать знать; также *алгуда*), *арида* *арōда* (информировать, рассказать) и т. д.

57. Долгота, как правило, образуется в результате стяжения двух гласных: *кйм* (сорняк), но в диалектах *кним*, *кисим*; *мам* (мысль), но также *маам*, *маым*, а в диалектах *майъм*. Помимо этого, долгий гласный мог образоваться в результате исчезновения гласного следующего слога: *кѡм* (медведь; ср. яп. *кума*); *сѡм* (остров; ср. яп. *сима*); *пѣда*, *пѣлда* (просить; ср. монг. *hiŋüger* — молящийся, маньчж. *firu* — вызывать духов); *ада*, *алда* (знать; ср. тунг. *alagu* — учить); *пал* (длина руки), вероятно первоначально *парир* (ср. монг. *barim* с тем же значением); *мал* (слово), вероятно, первоначально **мара* (ср. монг. в Ордосе *малагай* — немой).

Результатом описанного процесса могло быть появление и краткого гласного: *нат* (серп; ср. яп. *ната*); *кат*, основа *кас-* (шапка; ср. яп. *каса*); *ккот* (цветок), восходящее к *коч-* (ср. яп. *куса*).

58. Различие в количестве гласного имело место в свое время и в окончаниях. Так, например, восстанавливаемые окончания родительного падежа *-аи*, *-ви* имели краткий гласный; окончания же местного падежа *-э*, *-е*, восходящие к *-аи*, *-ви* или *-аи*, *-ви*, имели долгий гласный. Окончание так называемой декларативной формы (см. ниже, в главе о глаголе) *-та*, восходящее к *-та:* *-та*, имело долгие гласные *а* и *ѡ*, тогда как окончание регрессивной формы *-тѡ*, восходящее к *-та:* *-тѡ*, имело краткие гласные. Во многих случаях трудно сказать что-либо определенное о первоначальном количестве гласного, поскольку, с одной стороны, процессы редукции, сокращения происходили очень давно, повторялись, видимо, не один раз, в разное время, и поскольку, с другой стороны, унификация окончаний, затронув всю парадигму в целом, нарушила первоначальную картину.

ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ

59. В корейском языке, как и во всех родственных ему языках, сохранились следы очень древней тенденции к разделению гласных на группы. Гласные делились на две группы: гласные переднего и гласные заднего ряда.

Корейская система группировки сходна с турецкой, которая довольно архаична.

	Гласные заднего ряда		Гласные переднего ряда	
	огубленные	неогубленные	огубленные	неогубленные
верхнего подъема	у	ы	ÿ	и
нижнего подъема	о	а	ö	ä(э)

60. В отношении *ы* развитие корейского языка сходно с развитием монгольского, где этот гласный заднего ряда дал *и*. Гласный переднего ряда *э*, коррелирующий с гласным заднего ряда *а*, произносился с несколько оттянутым назад телом языка *и*, подобно аналогичному гласному тунгусо-маньчжурских языков, дал *ө*; до сих пор в окончаниях находим *а* и *ө* как эквиваленты. Огубленное *ÿ* переднего ряда произносилось точно так же с несколько оттянутым назад телом языка (отодвинутый назад гласный); делабиализовавшись, оно дало современное *ы*. Гласный заднего ряда *у* звучал почти как *о*; отсюда совпадение старых *о* и *у* в современном языке. Гласный *ö* удержал огубление, но стал более задним, что дало нынешнее *у*, которое в диалектах слышится почти так же, как шведское *и*. Во многих словах нынешнее произношение не удержало первоначального различия между *ö* и *ÿ*; это показывают такие примеры как *пул*, *пыл* (огонь из **njör*; ср. турецк. *ör-tä*—сжигать, яп. **ни* > *хи*—огонь); *мул*, *мыл* (вода) [**mör* (река); ср. монг. *mörэн* (река), тунг. *му* (вода), яп. *ми* (вода)]. Первоначальное чередование в окончаниях гласных *ö*: *ÿ* отразилось в чередовании современного языка *о*: *у*; в диалектах мы постоянно встречаем такие пары, как *пэхода* и *пэхуда* (учиться), *камчхода* и *камчхуда* (прятаться), *чакко* и *чакку* (часто), *намо* и *наму* (дерево) и т. д. Окончание дееспричастия настоящего времени в Южной Корее звучит

-ко, а в Северной Корее -ку; присоединительная частица „и, также“ в Южной Корее звучит *то*, а в Северной Корее — *ту* и т. д.

61. После всех этих изменений в произношении гласных получилась следующая картина распределения гласных по группам:

первоначально передние *у ы ө и*

первоначально задние *о ѝ а*.

Мы имеем здесь, таким образом, семь гласных. Эти гласные еще сохраняются в некоторых говорах, более близких языку первых памятников, писанных корейским национальным письмом бѣмунгом, нежели говору столицы. Мы уже говорили об исчезновении *ѝ* и замене его *а* или *ы*.

62. Гласный *ѝ*, видимо, восходит к кратким или редуцированным *а, о, у* заднего ряда; он служил в качестве субститута для редуцированного гласного заднего ряда в китайском языке: *сѝ* ныне произносится как *са* (четыре) (кит. *сы*, яп. *си*). В окончаниях *ѝ* служило представителем гласных заднего ряда, тогда как *ы* представляло гласные переднего ряда; отсюда регулярные чередования в окончаниях старых памятников типа *-ѝи*, *ьи* (родительный падеж), *-ѝр*, *-ыр* (винительный падеж), *-ѝро*, *-ыро* или *ыру* (творительный падеж), *-нѝн*, *-нын* (причастие настоящего времени), *-сѝ*, *-сы* (вторичная основа) и т. д.

63. Перед губными согласными гласный *ѝ* в свое время изменился в *о*; в этой позиции его коррелятом, представляющим гласные переднего ряда, был уже не *ы*, а *ө*. До сих пор встречаем *хаопта* (быть сделанным) вместо более раннего *хѝсѝпта*; в старых памятниках можем найти *хом* вместо более позднего *хѝм*, ныне *хам* (делать). Соответственно имеем от глагола *чукта* (умереть) имя *чугѝм* (смерть) наряду с поздним и ныне правильным *чугым*. Весьма возможно, что имя существительное *сарам* (человек), первоначально означавшее „живущий“, „суший“, „существо“ от глагола *салда* (жить), некогда

звучало *с̄аром*, позже *сар̄ым*, ныне *сарам*, сев.-кор. *сарым*.

С исчезновением *ä* исчезло и чередование окончаний *ä*: *ы*; вместо этих двух окончаний оказалось одно обобщенное *ы*. Это статистическое преобладание *ы* в непервых слогах слова, как кажется, повлияло также на *и*, которое превратилось в *ы*. Так, старое *исида* (быть), *исин* (сущий), *исим'өн* (если есть) дало *итта*, *иссин* (или *иссын*) и *иссим'өн* (или *иссым'өн*). В настоящее время гласный *ы* выступает как единственный „связующий гласный“, то есть как такой звук, который служит для соединения согласной основы с окончанием, начинающимся на согласный.

-м	<i>пом</i> — видеть,	но <i>мөгым</i> — есть
-н	<i>кан</i> — ушедший,	но <i>кулгын</i> — толстый
-п	<i>хапта</i> — сделан,	но <i>усылта</i> — смеяться над
-л	<i>нал</i> — меня,	но <i>сарамыл</i> — человека
-ро	<i>соро</i> — быком, волом,	но <i>саньро</i> — вдоль горы, горой
-с	* <i>хыйс</i> — беловатый (произносится <i>хыйт</i>),	но * <i>пулгыс</i> — красноватый (произносится <i>пулгыт</i>)

64. В дальнейшем, в грамматической части, мы, как правило, указываем только один вариант окончания; таким образом, если мы говорим, что такое-то и такое-то окончание звучит *-к*, *-н* или *-м*, то это значит, что эти *-к*, *-н*, *-м* являются тем вариантом, который присоединяется к основе на гласный исход; при этом надо подразумевать, что к основе на согласный исход присоединяются соответственно *-ык*, *-ын*, *-ым*.

65. Суммируя все сказанное выше относительно гармонии гласных, можем сказать, что в окончаниях, которые имеют гласные, допускающие чередование, имеем следующие соответствия:

- 1) гласный *а* чередуется с *ө*;
- 2) гласный *и* (произносится *э*) чередуется с *өи* (произносится *е*);
- 3) гласный *о* чередуется с *у*.

В корейских словах наблюдаем, таким образом, следующее соответствие между основой и окончанием: если основа содержит гласные *a*, *o*, то окончание имеет гласные *a*, *э*, *o*; если основа содержит другие гласные, то окончание имеет гласные *ө*, *e*, *y*. Однако после нёбных согласных (*чх*, *ч*, *дж*, *й*), а также после дифтонгов на *и* палатализация затрагивает в равной мере и окончание:

антта (сидеть), *анджатта* или *анджөтта* (сидел),
хада (делать), *хаятта* или *хайөтта* (делал),
камчхода или *камчхуда* (прятать),
тöятта или *тöйөтта*, в диалектах *твейөтта* (стал).

ЗИЯНИЕ

66. Если в одном и том же слоге два гласных следуют непосредственно друг за другом, образуя два слога, то переход от одного гласного к другому осуществляется двумя путями.

Два одинаковых гласных обычно стягиваются в один, который, как правило, становится долгим:

киим (сорняк; диал. *кихим*, *кисим*), произносится *кй̄им*;

када (итти); *каа* (идя), произносится *к̄а*;

сөда (стоять); *сөө* (стоя), произносится *с̄э*, сев.-

кор. *ш̄ө*;

нөөлда (грызть, глодать), произносится *н̄өлда*, сев.-кор. *нөөда*, *нөда* и т. д.

67. Если два гласных различны, то гласный более высокого подъема образует так называемый согласный переходный звук, который в хорошем произношении едва слышен:

oa дает *ова*: *поатта*, *поватта* — видел;

uo дает *уөө*: *чуөтта*, *чувөтта* — дал;

na дает *ийа*: *иаги*, *ийаги*, *ийэги* — рассказ;

io дает *ийө*: *иөтта*, *ийөтта* — был.

Краткий согласный элемент слышится также в группах:

эе > *эйе*: *нэе*, *пэйе* — на лодке;

эи > *эйи*: *нэйил*, *нэйил* — завтра;

$ao > aeo$: *аолла*, *аеолла* — соединившись;
 $eu > eву$: *тѳук*, *тѳук* — еще более, тем более.

68. Следует заметить, что *ya* и *yə* после губных произносятся обычно, как *a* и *ə*:

кипуда (рад); **кипюə*, произносится *кипə* (будучи рад);

апхуда (больно); **апхуə*, произносится *апха* (больно и ...).

После других согласных *y* в сочетании с последующим *a* или *ə* превращается в гласный:

пэуда (учиться), но *пэватта* (учился);

толгуда (вращать), но *толгватта* (вращал).

69. Параллельно этому в сочетаниях *па*, *пə* гласный *и*, когда он был краток, приобрел характер согласного *й*, каковой после небных, а в южнокорейских диалектах также после *с* либо исчезает, либо уже исчез:

чхида (бить); *чхйѳтта*, произносится *чхѳтта* (бил; основа **т.хп-*);

чида (становиться); *чйѳтта*, произносится *чѳтта* (стал; основа *тп-*).

70. В силу того, что, как сказано было выше, гласный *х* в середине слова произносится слабо либо даже совсем исчезает, возникает (это касается южнокорейских диалектов) новый стык гласных (хиатус) с теми же способами его дальнейшего устранения:

пəхида произносится *пəида* (резать), в диалектах — *пəйида*; *пəхйѳтта*, *пəйѳтта*, *пəѳтта* (резал);

пэуда, *пэода* из *пэхуда* (учиться); *пэхватта*, *пэватта* (учился).

71. Во многих диалектах устранение зияния идет иными путями, нежели это наблюдается в столичном говоре. Часто наблюдаем, как более энергичный ударный гласный ассимилирует другой:

нэл (завтра), сев.-кор. *нээл*,

суын (ртуть), сев.-кор. *шуун*,

туиро (назад), сев.-кор. *тууру*.

УДАРЕНИЕ

72. Длительность или количество гласного не зависят от ударения. Под ударением же мы понимаем, с одной стороны, силу выдоха, энергичность артикуляции (силловое ударение), с другой стороны, тон, то есть музыкальную разницу гласных и слогов (= музыкальное ударение).

Как и в других языках, слог, выделенный силовым ударением, оказывается более высоким по тону, и наоборот. Как кажется, музыкальное ударение зависит от силового. Таково общее правило.

Выше, при описании согласных, мы отмечали начальные *кк*, *тт*, *пп*, *чч* и *сс*, произносимые эмфатически, с высоким тоном последующего гласного. Если слово начинается с одного из этих согласных, то гласный первого слога имеет высокий тон, падающий к концу слога. В остальных случаях первый слог слова имеет низкий тон с *повышением* в конце. Таким образом, мы имеем две музыкальные шкалы первого слога: высокую — падающую и низкую — восходящую.

73. Второй слог корейских слов ниже по тону, нежели первый; однако падение тона не особенно заметно. В сложносоставных словах китайского типа второй слог очень часто музыкально выше; с точки зрения силового ударения он, однако, может быть менее подчеркнутым; например, *чосон* — Корея (второй слог явно выше), *к'юньсөнъ* — Сеул (второй слог слабо ударен, но выше по тону).

Некоторые наблюдения над ударением в корейском языке сделаны проф. Ц. Тиба.

74. Что касается фразового ударения, то сила и тон различных слов распределяются в зависимости от логической важности этих слов в предложении. Более важные слова более акцентированы, нежели менее важные. В общем же интонация падает медленно к концу предложения. Таково правило для повествовательных предложений. Это правило имеет силу и для вопросительных предло-

жений, если они заканчиваются вопросительной частицей. Если же предложение имеет вопросительный характер, но не завершается вопросительной частицей, то голос резко повышается к концу фразы, причем последняя гласная имеет отчетливо высокий тон. Например, *нэ өдэ канын я* (куда ты идешь? — с понижением к концу предложения), но *нэ өдэ канын* или *нэ өдэ ка* (ты куда идешь? — с резким подъемом тона на *а* в конце слова *ка*). Эта вопросительная интонация дает возможность дифференцировать употребление деепричастия прошедшего времени, которое, как увидим ниже, употребляется с тремя различными значениями: утвердительным, вопросительным и повелительным. Различная интонация, конечно, не может быть передана в транскрипции, но ясно слышится в речи.

75. Само собой разумеется, что фразовое ударение зависит, как и в других языках, от смысла всего предложения. Так, например, ясно, что интонация простого повествования резко отличается от интонации убеждающей речи, каковая иной раз, препятствуя падению тона к концу фразы, может вызвать его повышение. То же самое можно сказать о предложениях, выражающих приказание, просьбу. В целом же можно сказать, что в отношении музыкального и силового ударения корейский язык резко отличается от монотонного уровня акцентуации японского языка.